Ошанин, Л.

1986г., III

«ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ» 19 7 марта 1986 г. № 10 (1206)

КАК СЛОЖИЛИ ПЕСНЮ

В 1966 году в издательстве «Художественная литература» у меня вышла книга «Сто песен». Туда были включены лучшие, как мне казалось, песни, написанные за четверть века — с 1940 по 1965 год. Книга вышла двухсоттысячным тиражом и сразу разошлась.

С тех пор прошло двадцать лет жизни и напряженного творческого труда. Написано много новых песен. И все-таки я задумал повторить то издание, правда, уже в другом издательстве и в другом несколько виде. Во-первых, в книге будет столько же песен, но почти половину их составят написанные в последние десятилетия. Во-вторых, многим из них будут предшествовать рассказы о том, как они складывались, и об их судьбах, а судьбы у некоторых из них оказались любопытными.

Часть этих рассказов уже напечатана и в периодике, и в разделе «Биографии песен» моего собрания сочинений («Молодая гвардия», 1980—1981 гг., том III). Многое я пишу заново.

Сегодня я предлагаю читателям «Литературной России» четыре небольших рассказа о четырех лирических песенках давних лет.

Что ж, разберемся, Ярославль...

Композитор Павел Аедоницкий обычно так рассказывает на своих выступлениях о нашей песне «Ярославия»:

— Ошанин родился в Рыбинске, а я в Горьком. Мы долго думали, о каком городе нам написать песню, и написали о Ярославле, потому что он посредине.

Я не возражаю против этой милой эстрадной версии. Но композитор получил уже готовые стихи, а для меня этот вопрос сложнее.

Я действительно родился в волжском городе Рыбинске (ныне гор. Андропов). Хотя уехал оттуда пятилетним, с годами он мне все ближе и дороже, я там часто бываю. Написал о нем много строк стихов, написал и песню, но она пока не зазвучала. А с пяти лет я жил в Ростове Великом, с его озером Неро, с древними пращурами моими, о которых я недавно написал балладу, с древними кремлевскими звонами. С садами и огородами, которые спасли всю округу в голодные двадцатые годы.

И Рыбинск, и Ростов — все это ярославская земля.

Что ж, разберемся,
Ярославль,
постой —
Хоть и в твоих церквах
не новы лики,
Ты был когда-то
скромной крепостцой
Перед Ростовом,
городом Великим.
Но таково веление судьбы,
Упрямой продиктованное
Русью —
Как всадник
ты взметнулся
на дыбы,
Ростов оставив
в полузахолустье.
Пусть мне слегка
обидно за Ростов —
Мальчишкой жил я там
с сестрой и братом.
Но за тебя хоть в драку
я готов —
Ведь все мы
ярославские ребята!

Мне всегда хотелось написать стихи, баллады, песни о моей малой родине, о каждом ее городке и о ее столице, и о наших моторостроительных гигантах. И еще мне очень хотелось исправить грубоватое, нелюбимое у нас слово «ярославщина». А наши славянки, прекрасные и неповторимые...

И вот в 1972 году явились строки:

Ты проходишь
походкой плавной,
Манишь встречного
красотой.
— Как зовут тебя?
—Ярославна.
— Ярославна моя, постой!

Разве сердце отдать
не вправе я
Той,
что с солнцем обручена?
А вокруг тебя Ярославия —
Древнерусская сторона.

И дальше:

Голубые глаза большие
Подарил тебе волжский плес.
От июльских полей России
Теплота золотых волос.

Строчки явились, но как им стать песней? И вот тут возник горьковчанин Павел Аедоницкий и, почувствовав запах родной Волги, написал талантливую и оригинальную музыку.

Спасибо, Павел Кузьмич! А к городу Горькому мы еще когда-нибудь вернемся!

В этот вечер в танце карнавала

Год 1940. Мы писали с композитором Константином Листовым цикл песен о недавно закончившейся войне с белофиннами. Там были песни о пехоте и о медсестре, о военачальниках и о разведчиках (кстати, единственной песней, которую запели из этого цикла, была шуточная песня «Разведка»). Оставалось написать самую главную, самую торжественную песню, И она у меня никак не получалась.

И вот летний московский вечер, меня друзья вытащили из-за письменного стола и увезли в Центральный парк культуры и отдыха. И мы попали сразу в мир цветов и музыки, в разноцветные краски карнавала, когда весь парк пел и танцевал. И среди масок все время мелькала одна — худенький Пьерро с явно девичьей фигурой, удивительно грациозной. А из-под полумаски то появлялась, то исчезала и светила, светила мне улыбка через головы и руки танцующих.

Честно говоря, я не был большим специалистом по танцам, но мы пошли с ней, и все получалось. Потом, взявшись за руки, мы побежали к реке и по аллеям Нескучного сада И там под тенью ясеня стали сумасшедше целоваться. Сколько времени мы были там — минуту, час? Потом прибежали другие ребята, и она сразу куда-то исчезла. Я даже не видел ее лица, только в прорези полумаски мерцали неожиданно родные глаза.

Больше я ее никогда не видел. Как ее звали? Не знаю.

Была ли она вообще? Может, мне все это показалось?..

Приехав домой, поздним вечером я сел за свою неполучавшуюся песню, и вместо нее, буквально за полчаса, без помарок, выдохнул:

В этот вечер
в танце карнавала
Я руки твоей
коснулся вдруг.
И внезапно
искра пробежала
В пальцах наших
встретившихся рук.
Где потом мы были,
я не знаю.
Только губы помню в тишине,
Только те слова,
что, убегая,
На прощанье
ты шепнула мне...

А были ли слова? Не знаю. Но тогда я слышал их ясно-ясно:

Если любишь — найди,
Если хочешь — приди,
Этот день
не пройдет без следа.
Если ж нету любви,
Ты меня не зови,
Все равно не найдешь
никогда.

После этого к утру написалась и та, трудная, неполучавшаяся. Сочинилась к ней и музыка, была принята и похвалена, а вот запеть ее — не запели.

Лирическая песенка о встрече на карнавале попала к К. Листову вместе с военным циклом. И так вышло, что, сдав работу в Воениздат, мы с Листовым несколько месяцев не виделись. Куда-то ненадолго уехал я, потом на подольше он. И я ничего не знал о песенке, думал, что, как часто бывает, ничего не получилось.

В апреле 1941 года я поехал в командировку во Владивосток, чтобы написать новую программу для ансамбля Тихоокеанского флота. Я сразу влез в работу, ходил на военных кораблях, встречался с моряками, писал песни с композитором-краснофлотцем М. Магиденко. А в майские праздники мой товарищ еще по Москве младший лейтенант Володя Толмачев вытащил меня в гости к его знакомым. И первое, что я услышал, входя, были звуки песни, летящие с патефонной пластинки:

И ночами
снятся мне недаром
Холодок оставленной скамьи
Тронутые ласковым загаром,
Руки обнаженные твои.

Я вздрогнул — это же мои слова. А песня шла дальше:

Неужели не вернется снова
Этой летней ночи забытье,
Тихий шепот
голоса родного,
Легкое дыхание твое...

Музыку я слышал впервые, но это была моя песня: «Если любишь — найди».

Как это могло получиться? Оказалось, Листов сразу же, играючи написал музыку и, не придав ей значения, показал случайно встретившемуся Леониду Утесову.

— Оставь на всякий случай,— сказал тот, забрал набросок и буквально назавтра записал ее на пластинку.

В ту пору пластинки выпускали быстро.

Может быть, она ехала во Владивосток в том же поезде, что и я? А приехав, сразу стала самым популярным танго в городе. Потом из окна комнаты отпускника-мичмана, в которой я жил над бухтой Золотой Рог, я по нескольку раз в вечер слышал ее с танцплощадки, что была внизу у самого моря.

Песня, как часто бывает, то затухала, то вспыхивала снова. В семидесятые годы ее записал на пластинку белорусский ансамбль «Верасы». А в 1982 году был выпущен студией «Мелодия» мой альбом из двух дисков, который я так и назвал: «Если любишь — найди» — в честь долгожительницы, на этот раз звучавшей в исполнении И. Кобзона.

Лев ОШАНИН

ЕСЛИ ЛЮБИШЬ — НАЙДИ

Удар короток — и мяч в воротах

Как я любил мальчишкой гонять футбольный мяч! Можно подумать, что есть на свете мальчишка, который этого не любил. А как широк круг футбольных болельщиков, давно уже не прикасающихся к мячу, но не желающих от него оторваться!

И вот был пик любви к футболу и футболистам, когда наши ребята вернулись с победой, завоеванной ими на родине футбола, в Англии. И был тогда первый футбольный комментатор—Вадим Синявский, самый страстный футбольный болельщик тех лет. Вадим буквально пристал к нам с Анатолием Новиковым — напишите песню о футболе.

Песен о футболе было немало, и песен о футболе не было. Как написать такую, чтобы ее запели? Как написать такую, чтобы без нее было нельзя?

Мы решили пойти за темпом игры наших лучших команд. Написать об игре песню игровую. И так вышло, что в ней почти все слова рифмуются:

В небе злая грозовая
панорама,
Мяч плывет у ворот по воде.
Но упрямо едет
прямо на «Динамо»
Вся Москва,
позабыв о дожде.

Тогда еще не было Лужников. Теперь стадион «Динамо» давно потерял свою единственность и популярность, а песенка порой звучит и сейчас.

Тогда, в 1947 году, неугомонный Вадим Синявский заставил нас с Новиковым самих первый раз исполнять песню по радио. Сейчас на радиовещании все сначала записывается, если ошибешься, оговоришься, можно переписать, поправить. А порой пишут отдельно, в несколько приемов, музыку и отдельно накладывают голоса. В ту пору все выплескивалось прямо в эфир. Представляете, как было страшно? А мне пришлось целый куплет петь совсем одному. Какой? Кажется, вот этот:

Мы нередко,
мы нередко били метко:
— Ну-ка, друг,
мимо рук получи! —
И к британцам,
и к шотландцам
прямо в сетку
Из Москвы залетали мячи.

Думаю, что наше пение не принесло большой радости слушателям. Не повезло и с первым профессиональным исполнением «Футбольной песенки». Был тогда очень хороший певец Георгий Абрамов, кстати, первый исполнитель наших «Дорог» и «Гимна демократической молодежи мира». Не повезло потому, что у нас в песне припев «Удар короток — и мяч в воротах!» — дело внутреннее, а дальше повторяются последние строки запевов. Так вот, не разобравшись, Жора Абрамов каждый раз в этом месте пел строчки первого куплета. Хорошо, что не было записи — прозвучало в эфире и растаяло.

Потом уже были сделаны нормальные записи. Сейчас ее поют ребятишки из детского хора радио и телевидения под управлением В. Попова, и бывает приятно включить радиоприемник и услышать звонкие детские голоса.

Хочу воспользоваться случаем и пожелать больших успехов нашим сегодняшним футболистам и тем, кто подрастает им на помощь. А кстати, всем им напомнить последние слова песни:

Не гордитесь, берегитесь,
чемпионы,
Мастера — ветераны мяча:
В каждом поле,
в каждой школе стадионы!
До чего ж молодежь горяча!

Пусть летят и смех и слово

Когда при Московском Доме пионеров хормейстер Владимир Локтев создал ансамбль, он сумел объединить вокруг него поэтов и композиторов, привлечь, убедить, заинтересовать. В 1948 году мы с М. Фрадкиным написали для него «Марш юных пионеров». Позже с А. Островским — одну за другой — несколько песен, в частности «Пионер» («Пионер — ты ровесник весны») и «Школьную польку». Вот эта незатейливая песенка годами не выходила из репертуара ансамбля. Может быть, кто-нибудь из вас ее помнит:

Чтобы праздник был
веселым,
Подпевай, родная школа.
Наш веселый смех
Пусть несется дальше всех.
Пусть летят и смех и слово
Прямо к площади Свердлова,
За Охотный ряд,
Где огни Кремля горят.

Или, может быть, это:

Прибаутки, поговорки,
Сыплются кругом.
На четверки и пятерки
Пляшем и поем.

Под эту песенку был поставлен и танец. Мальчик-суворовец, являя лучшие офицерские традиции, приглашал на танец даму. И все это было так весело, так здорово, что тронуло сердце старого маршала Семена Михайловича Буденного. Когда первый раз эта песенка-танец была вынесена на правительственный концерт, Семен Михайлович, вскакивая из первого ряда Большого театра, трижды требовал ее повторить. Так было и на нескольких последующих правительственных концертах. Широко пели «Школьную польку» и в самодеятельности. И сейчас порой вспоминают.

Раз уж речь зашла об ансамблях, надо сказать и вот о чем. Иногда руководитель начинает писать музыку сам, она постепенно занимает все большее место в репертуаре ансамбля. И хотя песни эти пишутся человеком не без композиторских способностей и умения, но, к сожалению, все-таки без того яркого таланта, свойственного ему как хормейстеру и собирателю художников вокруг ансамбля. Что поделаешь — вероятно, петь в ансамбле только свои песни имели право лишь Владимир Захаров в хоре Пятницкого и Семен Дунаевский в ансамбле железнодорожников. Имели право, потому что каждая их песня была событием. Увы, не всегда в одном человеке соединяются разные дарования. Я пишу об этом потому, что и сейчас во множестве наших коллективов часто вместо поиска талантливого произведения на первый план выступают собственные доморощенные сочинения, оставляющие желать много лучшего. Как было бы хорошо, чтобы руководители коллективов помнили об этом несоответствии. Чтобы всегда они искали песню, ту песню, которая необходима именно этому коллективу. Чтобы смех и слово летели с эстрады в человеческие сердца так талантливо, чтобы каждый раз в зале находился свой Семен Михайлович Буденный, который бы требовал повторения песни...